

Цзян Лэ подряд бросил на участок, где росла кровавая лоза, больше десяти кристаллических ядер, и состояние голода у лозы наконец исчезло. Более того, у неё даже появилась одна единица близости.

Цзян Лэ уставился на эту одну единицу близости, задумался, открыл системную страницу питомцев и перевёл взгляд на саженец кровавой лозы. Система, как он и ожидал, выдала напоминание: «Саженец кровавой лозы 2-го уровня. Поддаётся приручению. Внести в раздел питомцев?»

Кровавая лоза, без сомнения, была мутировавшим растением с огромным потенциалом. От природы она прекрасно разбиралась в тактике, осмеливалась бросать вызов более высоким уровням, находясь на низком, и среди мутировавших растений явно относилась к разряду высокоинтеллектуальных.

Помимо собственного повышения уровня, ещё одним важным источником боевой силы Цзян Лэ были всевозможные приручённые мутировавшие существа.

Растения неизбежно входили в число возможных вариантов. Раз так, почему бы не воспользоваться случаем и не включить кровавую лозу в этот список?

Цзян Лэ нажал подтверждение. На странице питомцев загорелась новая вкладка, где подробно появилась информация о кровавой лозе 2-го уровня. Текущая близость отображалась как 1. Ровно та самая единица, которую Цзян Лэ только что получил после кормления.

Ничего себе. Цзян Лэ едва не расчувствовался. По сравнению с одним волчком, который с тех самых пор, как он посадил кровавую лозу, то и дело недовольно рычал рядом, эту лозу ему прямо хотелось назвать хорошим ребёнком. Покормил один раз, и уже приручилась.

Цзян Лэ поднялся и отодвинул волчка, который всё время тыкался головой ему в ногу:

— Эй-эй, я знаю, что у вас раньше была вражда, но ты ведь уже съел её кристаллическое ядро. Считай, что теперь она заново родилась лозой. Давай перевернём страницу и забудем старые дела, ладно?

Когда волчонок смотрел на кровавую лозу, он ненавидел её как коварную прелестницу, сбивающую хозяина с пути. Когда смотрел на Цзян Лэ, ненавидел уже его за то, что тот не оправдывал ожиданий. Ему очень хотелось куснуть Цзян Лэ, но пасть так и не поднималась сомкнуться. От этого он сам себя довёл до бешенства.

После этого повышения функции системы значительно расширились.

Не говоря уже о биологическом справочнике, безопасности, посадочном сосуде и прочем, в системе обмена фермы появилось множество механических устройств, которых раньше не

было. Они должны были соответствовать увеличившейся площади фермы.

За последнее время благодаря продажам и наградам накопилось немало монет. Ради повышения эффективности производства Цзян Лэ не стал скупиться и купил почвофрезу, сеялку, уборочную машину и другие механические устройства. Даже если некоторые из них сейчас могли не пригодиться, это всё равно было подготовкой на будущее.

После очередного повышения можно было приступать к новому этапу посадок и разведения. Помимо земли, которая естественным образом расширилась после повышения системы, Цзян Лэ за монеты докупил ещё такой же по размеру участок. Теперь работников фермы стало больше, да ещё и механическая техника помогала, так что освоить эти земли проблемой не было.

Для посадок на новых участках Цзян Лэ выбрал озимую пшеницу, картофель и другие основные культуры, а между ними, чередуя по срокам, решил выращивать немного редьки, шпината и других овощей, подходящих для зимовки.

После этого повышения на странице обмена семян в системе появился раздел фруктовых деревьев. Все они были саженцами, которые должны были принести плоды на следующий год. У разных сортов была разная цена, от 50 до 1000 монет.

Система вынесла наверх те плодовые деревья, которые подходили для пересадки в этот сезон. Цзян Лэ выбрал среди них яблони, персики, вишни и виноград. Уже в следующем году они смогут дать плоды.

Что касается разведения, помимо решения добавить коров и овец, Цзян Лэ расширил и породы домашних свиней. Внутри крупных категорий домашний скот делился ещё на разные мелкие породы, и у каждой были свои преимущества по скорости набора мяса, удоям, качеству мяса, устойчивости к холоду, болезням и другим параметрам.

Для телят Цзян Лэ выбрал молочно-мясную породу. Цена, по которой система закупала разные материалы, не была постоянной: стоимость молока и мяса время от времени колебалась. Молочно-мясная порода позволяла гибче реагировать и на системные закупки, и на собственные нужды в разные периоды.

С породами овец он исходил из двух направлений: молока и шерсти. Поэтому выбрал молочных коз и тонкорунных овец.

С птицей всё было так: изначальные куры и утки на ферме были случайно куплены Цзян Лэ на рынке. Куры больше подходили для яиц, утки для мяса. После этого повышения Цзян Лэ не стал менять число уже имеющихся пород, а лишь добавил по одной разновидности мясных кур и яйценоских уток. Кроме того, он добавил разведение гусей и с учётом яиц, мяса и пуха временно выбрал породу, дающую гусиный пух.

Площадь водоёма увеличилась сама по себе вместе с системой, а Цзян Лэ дополнительно расширил его ещё на сопоставимый участок.

Помимо мальков обычных пресноводных рыб, вроде амура, толстолобика, карпа и карася, на этот раз Цзян Лэ обменял в системе молодняк лягушек-быков, угрей и мягкотелых черепах. В природе эти виды пожирали бы друг друга, но у водоёма тоже имелось правило разделённых клеток, между которыми нельзя вторгаться. Поэтому даже при содержании в одном водоёме проблем не возникало: разные виды могли передвигаться только между клетками своего вида.

На виртуальном экране фермы Цзян Лэ подтвердил площадь посадок и разведения, а также количество для каждого вида живности, после чего нажал подтверждение.

Системный курсор слегка закрутился на экране, и вскоре появилась надпись: «Доставка оформляется. Хозяин, пожалуйста, выберите подходящее время доставки!»

Цзян Лэ выбрал семь утра следующего дня.

На следующее утро Цзян Лэ заранее пришёл на ферму. К этому времени работники фермы уже встали и готовились начинать работу.

После открытия столовой для работников Ло Мянью был назначен шеф-поваром и отвечал за управление столовой. Он воспринял это спокойно. Раньше, хоть работа и была загруженной, по выходным Ло Мянью всё равно всегда находил время купить продукты и приготовить дома что-нибудь получше для себя и Кун Шуя. Среди троих работников именно он действительно лучше всех умел готовить.

Работа столовой в целом была устроена так.

На доске объявлений под административным зданием за день заранее вывешивался список блюд, доступных на следующий день. Ло Мянью должен был выбрать из них меню для завтрака, обеда и ужина, а также количество нужных ингредиентов. После этого вечером того же дня в холодильнике столовой появлялись необходимые продукты.

Например, сегодня утром Ло Мянью приготовил сяолунбао[1], яйца в чайном маринаде, рисовые шарики из клейкого риса и свежеевыжатое соевое молоко.

После открытия столовой Цзян Лэ тоже решил есть прямо там. Четверо сели за один стол. Двое обычных людей быстро насытились и остановились. Кун Шуя как обладательница способности ела немного больше обычных людей, а Мао Сяофэй, без сомнения, оказался самым прожорливым. В конце он всегда отвечал за подчистку оставшейся еды, так что о том, что какая-то еда останется и пропадёт, можно было вовсе не беспокоиться.

Завтрак только закончился, как прибыли доставщики, назначенные системой. Несколько

человек толкали тележки. На вид они были одеты как обычные крестьяне, но у каждого ощущалась аура обладателя способности, причём их способности значительно превосходили Мао Сяофэя и Кун Шуя.

Это заставляло работников совершенно не сомневаться в том, что эти люди способны безопасно перебраться через горы и холмы и доставить молодняк и саженцы.

От строительной бригады до доставщиков Цзян Лэ заметил: уровень способностей у людей, которых присылала система, всегда совпадал с его собственным уровнем после повышения. Вряд ли это было совпадением.

Доставщики не только прямо занесли разные виды молодняка и саженцев в несколько новых складов, но и коротко объяснили работникам основные моменты посадки и разведения. Лишь после этого они ушли.

Цзян Лэ вместе с работниками потратил два дня на завершение всех работ нового этапа. Убедившись, что ферма, снова заметно обновившаяся, может стабильно работать, он позвал Мао Сяофэя и рассказал ему о своих дальнейших планах.

Это был не такой выход, как раньше, когда он уходил утром и возвращался вечером, и не отлучка на три-пять дней. На этот раз Цзян Лэ сам не знал, когда вернётся.

Многие функции, добавленные системой при этом повышении, были направлены на автоматизацию фермы и повышение производительности. Благодаря этому у Цзян Лэ появилось время и пространство для внешней разведки.

Новая функция биологического справочника требовала, чтобы Цзян Лэ исследовал мутировавших существ. Если он хотел открыть больше записей в справочнике, просто сидеть на ферме было нельзя: так он не смог бы использовать эту функцию в полную силу.

Цзян Лэ планировал ненадолго покинуть ферму, примерно на месяц, и отправиться исследовать более дальние места.

За всеми участками фермы он мог наблюдать в реальном времени через виртуальный экран в пространстве, а также назначать новые цели посадки и удалённо планировать работу. Так что проблемы в том, что без него ферма не сможет функционировать, не было.

Поначалу Мао Сяофэй подумал, что Цзян Лэ, как и раньше, просто ненадолго выходит наружу. Дослушав, он занервничал.

Цзян Лэ похлопал его по плечу:

— Помоги мне хорошо присматривать за фермой. Пока с фермой всё в порядке, со мной тоже

всё будет в порядке. Закончу дела и постараюсь вернуться как можно скорее.

В тот же день после обеда Цзян Лэ взял волчонка и покинул ферму.

\* \* \*

В прошлой жизни первой базой, к которой присоединился Цзян Лэ, был официальный спасательный пункт, организованный в Хайши. Однако после вспышек зомбификации во всех слоях общества управляемость сверху донизу была тяжело подорвана. Кроме того, среди обладателей способностей поднялось представление, что сила решает всё. Положение обычных людей резко упало. Очень скоро мораль и правила, знакомые людям по мирному времени, рассыпались с невероятной скоростью, и сформировался новый порядок апокалипсиса: обладатели способностей стоят наверху, внутри них есть своя иерархия, а обычные люди зависят от их милости и становятся низшим слоем.

В этот период большие и малые базы тоже находились в полном хаосе, постоянно объединялись и распадались. Лишь спустя несколько лет после конца света едва-едва установилась относительно стабильная новая ситуация.

Снова двигаясь вдоль скоростной трассы, Цзян Лэ увидел, что всего за два месяца с небольшим дорожное полотно, изначально возвышавшееся над землёй и потому не слишком пострадавшее от мутировавших растений, уже потеряло прежний вид. Где-то оно раскрошилось, как трухлявый тофу, и рассыпалось по земле, где-то было целиком забито корнями, стеблями и лозами мутировавших растений. Мир либо выглядел пустынным и мёртвым, либо зеленел до боли в глазах. Следов современной цивилизации почти не осталось. Преобразования, которые человечество веками вносило в природу, исчезли в одно мгновение.

Стоило волчонку выйти наружу, как он сразу разгулялся. Он часто убегал один и пропадал из виду, а когда Цзян Лэ проходил несколько километров, вдруг снова выныривал из какого-нибудь угла. По дороге оставалось немало зомби, которых он между делом убивал.

Когда стемнело, Цзян Лэ нашёл пустое место, поставил палатку, забрался внутрь и уже оттуда вошёл в пространство.

К этому времени в фермерском складе уже лежало козье молоко, надоенное за день, и Цзян Лэ мог взять его прямо из пространства. Козье молоко и мясо он поставил перед волчонком, а кристаллические ядра зомби отдал кровавой лозе.

Сам Цзян Лэ достал порцию говяжьей лапши, которую раньше покупал навынос. Лапша сохранила лучшее состояние, словно её только что сняли с огня: бульон был горячим, тесто гладким и упругим, гарнир и говядина усиливали аромат друг друга.

Волчонок закончил есть первым. Он подошёл к Цзян Лэ и то касался носом его спины, то толкал лапой.

Такое поведение обычно случалось во время еды. Когда волчонок только начал так делать, Цзян Лэ строил массу догадок: от того, что тот хочет попробовать еду из его миски, до того, что этот волчий господин снова чем-то недоволен.

Но когда он подносил ко рту волка немного человеческой еды, полной любимых людьми приправ, волчонок брезгливо отворачивался и вовсе не хотел есть. После нескольких раз Цзян Лэ понял: этот детёныш просто не мог держать лапы при себе. Поэтому теперь, сколько бы его ни трогали, он входил в состояние старого монаха в медитации и стоял недвижимо, как гора.

Закончив приставать к Цзян Лэ, волчонок повернулся к кровавой лозе.

Цзян Лэ положил горсть кристаллических ядер зомби прямо на участок, и кровавая лоза по одному обвивала их лозами, медленно проглатывая. Те ядра, очередь которых ещё не подошла, она временно держала лозами в воздухе.

В прозрачно-голубых глазах волчонка тут же появилось выражение крайнего отвращения, словно кровавая лоза ела не кристаллические ядра зомби, а дерьмо.

Интеллект кровавой лозы относился к высшему разряду среди мутировавших растений. Хотя они провели вместе всего несколько дней, она уже могла ощущать чужую симпатию и неприязнь, а также имела собственные предпочтения.

Например: Цзян Лэ, который каждый день кормил её вкусными ядрами, очень-очень нравился!

А мутировавший волк, который каждый день, пока Цзян Лэ не смотрит, угрожал ей, очень-очень не нравился!

Заметив, что этот вонючий волк смотрит на неё с таким отвращением, кровавая лоза, чьи лозы до того легко покачивались в воздухе, счастливо поглощая еду, вдруг замерла. Затем она замедлилась, вытянула уже проглоченное ядро обратно, будто срыгнула, выставила покрытое небольшим количеством её слизи ядро на воздух и, провоцируя, сделала вид, что сейчас швырнёт его волчонку в морду.

Волчонок взбесился и поднял лапу, собираясь вlepить кровавой лозе. Но Цзян Лэ как раз допил последнюю ложку бульона и обернулся. Увидев это, он тут же сказал:

— Эй-эй, не обижай её.

Лапа волчонка застыла в воздухе. А кровавая лоза, если посмотреть снова, уже вернулась к прежнему неторопливому поеданию, словно никакой провокации только что не было и она вообще была совершенно тихой, послушной лозой.

Бесчисленные ругательства застряли у волчонка в сердце. В конце концов возразить он не смог

и тяжело опустил поднятую лапу на землю, проломив половину системной межи.

Дулся он до самого вечера.

Цзян Лэ вернулся после умывания и увидел, что волчонок сидит на своём ананасовом матрасе, повернувшись к нему задом.

Взгляд Цзян Лэ задержался на матрасе на несколько секунд. Он первым дал тому возможность спуститься с дерева:

— Эта собачья лежанка, кажется, стала маловата.

Это была правда. При нынешних размерах волчонка ананасовый матрас вмещал только половину его тела. А выдолбленное в ананасе отверстие, куда питомец мог залезать, и вовсе уже было бесполезным.

Со-ба-чья. Ле-жан-ка.

Услышав это, волчонок медленно повернул голову и уставился на Цзян Лэ. Потом поднялся.

Цзян Лэ запоздало понял ошибку:

— Эй, нет, я оговорился.

Но было уже поздно. Несколькими ударами лап волчонок расчленил ананасовый матрас. Покончив с преступлением, он одним прыжком взлетел на кровать Цзян Лэ, разинул пасть и бросился его кусать.

Цзян Лэ уворачивался и одновременно объяснял:

— Это кровать для питомца! Такая, которой волкам пользоваться не запрещено!

В итоге он всё равно получил несколько притворных укусов волчьей пастью, и Цзян Лэ пришлось заново умываться. Когда он вернулся, половина кровати уже была занята волчком, а выражение у того было такое, будто Цзян Лэ задолжал ему слишком много и теперь должен искупать вину.

Сознавая, что сам только что действительно сказал не то, да ещё и матрас был уничтожен, Цзян Лэ в этот день не стал прогонять волчонка вниз. Планка допустимого снова снизилась на единицу.

Человек и волк уснули на одной кровати.

О чём думаешь днём, то и снится ночью. В эту ночь волчонку приснилась кровавая лоза. Во сне он снова вернулся в то слабое время, когда был опутан сетью кровавой лозы и не имел сил сопротивляться. Удушье, теснота, некуда спрятаться. Лишь когда он резко дёрнулся, он наконец проснулся от кошмара.

Даже во сне она не давала ему покоя. Новая вражда поверх старой ненависти. Волчонок, стиснув зубы, подумал: он обязательно найдёт случай как следует проучить эту чайную лозу. И Цзян Лэ, который не разобравшись, сказал, что он её обижает, тоже отвратителен...

Цзян Лэ, которого волчонок только что пнул лапой, сонно проснулся на мгновение. Его рука бессознательно погладила волчью голову, как несколько месяцев назад, когда он успокаивал маленького детёныша, и он невнятно пробормотал:

— Не бойся, не бойся...

Последние звуки слиплись, и уже на последнем слове его сознание снова соскользнуло в сон.

Волчонок убрал прежние мысли. Ладно. Глупость не смертный грех. Этого Цзян Лэ пока можно простить.

\* \* \*

После двух дней непрерывного пути Цзян Лэ добрался до границы Цзянши и соседней провинции. В прошлой жизни он не слышал, чтобы в Цзянши была какая-нибудь крупная база, зато в Сичжоу соседней провинции, кажется, появлялось несколько довольно масштабных и известных баз. Неизвестно, сложились ли уже их зачатки сейчас.

Так или иначе, местность, способная прокормить множество обладателей способностей, наверняка не будет слишком спокойной. Стоило разведать.

Уже наступил ноябрь, и внезапные холодные дожди унесли ещё часть и без того скудного тепла.

Цзян Лэ сидел, прислонившись к обычному дереву, которое вскоре после конца света было высосано досуха и опустело изнутри. Из рюкзака при себе он достал бурдюк и несколько лепёшек с маринованной горчичной зеленью, собираясь пообедать.

В воздухе вдруг возникла едва уловимая волна способности, пришедшая неизвестно откуда, издалека.

Цзян Лэ и волчонок почти одновременно ощутили этот след. Цзян Лэ небрежно сунул еду обратно в рюкзак и раскрыл пять чувств до предела, ловя эту мимолётную, всё больше удаляющуюся волну способности.

Определив источник волны, он уже не собирался его упускать. Человек и волк подняли скорость до максимума и вместе помчались к месту в нескольких километрах от них.

Скорость волчонка и Цзян Лэ была примерно одинаковой, но природная способность зверей к прыжкам и перемещению была не сравнима с человеческой. К тому же диапазон этой волны силы постоянно менялся. Поэтому хозяин и питомец просто выбрали разные маршруты, стараясь свести вероятность побега преследуемой цели к минимуму.

А у источника той силы, которая привлекла Цзян Лэ, в это время разворачивалась другая душераздирающая сцена.

Острую боль в лёгких уже невозможно было игнорировать, но перед лицом смертельной опасности мучения плоти перестали что-либо значить. В голове Чжан Хайяна оставалась только одна мысль: он не может умереть.

Он, спотыкаясь, то проваливаясь глубже, то делая короткие шаги, в панике бежал по лесной земле, заросшей мхом и высохшим кустарником. На руках, ногах и лице были ссадины разной степени. Острые листья травы высотой в человеческий рост хлестали его по лицу, пока он бежал. Пот смешивался с кровью и влажной, вонючей грязью, которой он измазался при падениях, и стекал ручьями по его смуглому лицу. Он уже не чувствовал ничего другого и лишь подчинялся инстинкту выживания, стараясь уйти от опасного гигантского зверя за спиной.

Отчаяние, сожаление и страх заполнили мысли Чжан Хайяна. Вечно голодный живот, дочь, хUDEЮЩАЯ с каждым днём, горькая судьба жены — эти картины непрерывно вспыхивали перед глазами. Всего лишь ради тёплой рисовой каши, которая могла бы насытить дочь, ради большего количества еды он, обычный человек, которого в апокалипсисе считали слабым до беспомощности, рискнул вступить в отряд обладателей способностей на базе и принять участие в охоте на дикую свинью 2-го уровня.

Перед выходом капитан отряда «Острие» Ван Вэйфэн с полной уверенностью сказал Чжан Хайяну:

— Задание выглядит немного опасным. Нужно, чтобы ты сначала стал приманкой и выманил мутировавшую дикую свинью из пещеры. Остальное оставь нам. У нас один с окаменением, двое огненных, один с воздушным барьером. Тогда сначала воздушным барьером остановим эту скотину, потом окаменение плюс огонь. За несколько секунд она станет жареной свининой, а потом мы разделим мясо и как следует наедемся!

План звучал неплохо. Но как будет на деле, никто не знал.

Пятеро по плану добрались до входа в пещеру. Ещё не подойдя близко, они услышали тяжёлое дыхание мутировавшей дикой свиньи и почувствовали странный запах, разлитый вокруг. Под ободряющим взглядом Ван Вэйфэна Чжан Хайян, дрожа ногами, приблизился к входу, поднял лежавшие у пещеры камни и бросил их в чёрную глубину.

Лязг, бум-бум-бум...

Звук камней, ударяющихся о стены пещеры, ещё не стих, а потревоженная мутировавшая дикая свинья уже рванулась наружу.

Когда при дневном свете они разглядели мутировавшую дикую свинью, все разом втянули холодный воздух. Это была всего лишь дикая свинья 2-го уровня, но телом она напоминала им слона. Когда она бежала во весь опор, даже земля будто дрожала. Морда у неё была свирепой и уродливой, длинные клыки торчали из лица, на них висели клочья неизвестной плоти и крови. Кожа на теле была потрескавшейся и толстой, как скальная порода. Но самым страшным были глаза: тёмно-красный цвет в глазницах говорил о потере контроля и безумии.

В тот миг, когда её взгляд зафиксировался на Чжан Хайяне, тот ощутил обжигающее намерение убить.

— Брат Ван, действуйте скорее! — в панике крикнул Чжан Хайян. Сначала у него подкосились ноги, потом он, опираясь и руками, и ногами, поднялся и бросился бежать вперёд.

— Спо-спокойно, мы знаем, что делаем! — Ван Вэйфэн убрал с лица испуг, который вызвала мутировавшая дикая свинья, и велел товарищам построиться. Воздушный барьер ударил вперёд и действительно остановил яростный натиск мутировавшей дикой свиньи.

Лицо Ван Вэйфэна стало чуть спокойнее. Он уже собирался воспользоваться моментом и окаменить свинью, но не ожидал, что воздушный барьер не выдержит даже одного удара её клыков. Невидимая преграда на месте разбилась, и сила отдачи напрямую ударила по обладателю воздушного барьера, и тот закашлялся кровью.

Без защиты воздушного барьера Ван Вэйфэн сразу струсил. А увидев, что багровые глаза дикой свиньи смотрят на него, он запаниковал ещё сильнее. Навык окаменения ушёл мимо и задел только заднюю ногу свиньи. К тому же окаменение не могло полностью пробить её толстую, твёрдую, как железо, шкуру. Так называемое окаменение лишь немного замедлило движение мутировавшей дикой свиньи, не давая ей, как в самом начале, нестись с безумной скоростью. Но для большинства людей даже замедленная скорость всё равно была смертельно опасной.

Две вялые огненные атаки одна за другой промахнулись. Лицо Ван Вэйфэна стало совершенно белым.

Мутировавшая дикая свинья металась туда-сюда между Чжан Хайяном и группой Ван Вэйфэна.

— Брат Ван, что теперь делать? — на бегу спросили несколько обладателей способностей своего капитана.

Ван Вэйфэн стиснул зубы и глубоко посмотрел на Чжан Хайяна, который в панике и слабости всё ещё бежал в их сторону, тщетно надеясь на помощь. В этот миг Ван Вэйфэн принял решение.

При встрече с опасностью им не нужно было бежать быстрее всех. Достаточно было бежать быстрее того, кто останется последним.

— Что делать? По старой схеме! Не тяните на себя агро, бежим!

Скорость перемещения обладателей способностей была значительно выше, чем у обычных людей. Фигуры Ван Вэйфэна и остальных быстро удалились, оставив Чжан Хайяна далеко позади. Ветер донёс их фразу:

— Не вздумай привести её к базе! Жена и ребёнок у тебя ещё на базе!

Когда обладатели способностей ушли, мутировавшая дикая свинья быстро зафиксировалась на Чжан Хайяне, который явно уступал им и телосложением, и выносливостью. Она больше не колебалась и бросилась в атаку на полной силе.

Чжан Хайян в отчаянии смотрел, как фигуры Ван Вэйфэна и остальных всё дальше отдаляются.

Его бросили. Он стал приманкой, принесённой в жертву. Стоило этой мысли возникнуть, как сердце Чжан Хайяна заледенело. Огромный страх и чувство предательства сделали голову пустой. Но в одном Ван Вэйфэн был прав: нельзя позволить этой твари приблизиться к базе. Чжан Хайян стиснул зубы, пошёл против собственного желания выжить и, петляя, изменил направление.

Но по мере того как эффект окаменения на задней ноге мутировавшей дикой свиньи слабел, какие шансы на жизнь могли быть у обычного человека? Чжан Хайян уворачивался влево и вправо, пытаясь использовать узкие каменные щели, чтобы задержать свинью, но всё было напрасно. Едва он успел проскочить и ещё не успел выдохнуть, как огромный и твёрдый в его глазах камень не выдержал простого тарана мутировавшей дикой свиньи.

Бум!

Камень разбило на крошево, осколки разлетелись во все стороны. Один из них тяжело ударил Чжан Хайяна по икре задней ноги и прямо вонзился в плоть.

Чжан Хайян вскрикнул от боли и от силы удара рухнул на землю. Он хотел немедленно подняться, но тяжёлые шаги и кровавый запах уже почти прижались к его затылку.

Это мгновение оцепенения Чжан Хайян запомнил на всю жизнь и не смог бы описать. Его словно прибило страхом к месту. Он мог только в отчаянии зажмуриться и ждать прихода смерти.

Однако тупая боль смерти на него не обрушилась.

У уха раздался другой звук рассечённого воздуха. В ещё не до конца закрывшемся боковом зрении Чжан Хайяна огромная чёрная тень появилась в воздухе и с грохотом опрокинула мутировавшую дикую свинью, похожую на гору. После резкого визга в лесу непрерывно зазвучал треск ломающихся деревьев.

Чжан Хайян ощутил только гораздо более сильное давление, чем от мутировавшей дикой свиньи. Он не смел даже обернуться и лишь понимал: за спиной, вероятно, сцепились два мутировавших зверя. Жажда жизни снова влила силу в его ноги. Чжан Хайян продолжил бежать вперёд, желая лишь оказаться как можно дальше от опасности.

Пока чуть не врезался в Цзян Лэ.

Увидев перед собой человеческую фигуру, Чжан Хайян сначала принял её за зомби. Заметив протянутую к нему руку, он инстинктивно сжался и попытался уклониться. Из горла вырвался сиплый звук ужаса. Сил у него почти не осталось, он уже не мог сражаться с зомби.

Неужели умереть сегодня здесь — его судьба?

Но рука, удержавшая его за плечо, была тёплой. Одновременно прозвучал молодой голос:

— Старший брат, что с вами?

Затуманенный от сильного напряжения взгляд Чжан Хайяна лишь теперь медленно сфокусировался на человеке перед ним.

Молодой парень с красивыми чертами, добрым взглядом и без малейшей видимой агрессии.

Но нервы Чжан Хайяна ещё не расслабились. Он обернулся, указал на место в нескольких десятках метров позади и, охрипшим голосом схватив Цзян Лэ за руку, сказал:

— Беги, скорее беги. Там сзади два высокоуровневых зверя-мутанта. Ещё немного, и уже не убежишь.

Он хромал и не мог идти быстро. Видя, что Цзян Лэ стоит на месте, он едва не захотел силой толкнуть его:

— Беги!

Цзян Лэ вытянулся вперёд и заглянул:

— Там вроде ничего нет? — Сказав это, он отодвинул руку Чжан Хайяна и успокаивающе добавил: — Я схожу посмотрю.

Чжан Хайян не мог его уговорить и не смел идти за ним обратно. Ему оставалось только смотреть, как Цзян Лэ подошёл к тем самым камням, которые только что разбила мутировавшая дикая свинья.

У каждого своя судьба, жестоко подумал Чжан Хайян. Он и уговаривал, и тянул, но удержать не смог. Испугавшись услышать последующие крики боли и мольбы о помощи от Цзян Лэ, Чжан Хайян просто закрыл уши руками.

Но, сделав всего несколько шагов, он снова замедлил и без того неторопливые шаги, опустил руки, которыми закрывал уши, и мысленно выругал себя идиотом. Всё же он хотел вернуться и потянуть Цзян Лэ обратно.

За камнями не было ни звука. Сердце Чжан Хайяна колотилось как барабан, холодный пот непрерывно стекал вниз.

В следующее мгновение из-за камней высунулась голова Цзян Лэ.

— Здесь, кроме крови, ничего нет.

Чжан Хайян одновременно подпрыгнул от испуга и растерялся. Как это возможно?

Прошла меньше минуты. Такая огромная мутировавшая дикая свинья исчезла? Он, хромя, сделал пару шагов ближе с недоверием и обнаружил, что за камнями действительно нет ни следа зверя. Виднелась только длинная кровавая полоса, уходящая в глубь леса.

Мутировавшая дикая свинья 2-го уровня уже заставила целую группу обладателей способностей оказаться беспомощными. Так что же за ужасное существо могло одним ударом её убить и без труда утащить её огромное тело, словно цыплёнка?

Это было его счастье или несчастье для базы?

Чжан Хайян на мгновение застыл, затем с силой тряхнул головой и пробормотал себе под нос:

— В любом случае сейчас есть шанс уйти...

Снова взглянув на Цзян Лэ и вспомнив его безрассудное поведение, Чжан Хайян без слов ощутил ещё и каплю радости. На вид Цзян Лэ был младше него больше чем на десять лет. Вокруг него не чувствовалось ни малейшей ауры способности, он был таким же обычным человеком. Чжан Хайян смотрел на него и как на почти подростка, и с некоторым сочувствием к себе подобному.

— Ты с какой базы? — спросил он у Цзян Лэ. Поблизости баз было немного.

Цзян Лэ не упомянул ферму, только сказал:

— Я ни к какой базе не присоединялся.

Он нёс рюкзак и вообще собирался на этом расстаться с Чжан Хайяном. Случайное спасение, каждый получил своё, вот и всё.

Но Чжан Хайян решил, что тот, наверное, выбрался из какой-то глуши и не знает, насколько опасен внешний мир, поэтому упорно хотел, чтобы Цзян Лэ вместе с ним вернулся на базу, где он сам жил.

Поначалу Цзян Лэ не хотел соглашаться. Но, подумав, что мутировавшая дикая свинья была единственным высокоуровневым мутировавшим существом, встретившимся ему за эти два дня, и вспомнив, что на подобных базах обычно регулярно выдаются задания по зачистке мутировавших существ, он решил: почему бы не зайти и не раздобыть координаты? Поэтому он просто согласился идти с Чжан Хайяном и по дороге узнал о нём больше.

Чжан Хайян, тридцать восемь лет, жил на базе под названием «Надежда». На базе насчитывалось больше тысячи человек, это не была официальная организация. Более семидесяти процентов жителей были обычными людьми, и Чжан Хайян с женой и дочерью тоже входили в их число.

— Ты вышел ловить мутировавшую дикую свинью с обладателями способностей с базы, а потом они бросили тебя и сбежали? — Цзян Лэ нахмурился, но не удивился.

Подобных историй в прошлой жизни он наслушался немало. Более того, сам переживал похожее.

Вспомнив, как едва избежал смерти, Чжан Хайян, конечно, скрежетал зубами на Ван Вэйфэна и остальных. Ему даже хотелось прямо сейчас вернуться на базу и потребовать с них счёт.

Но бессилие в сердце говорило ему: какие у него основания рассчитывать с группой обладателей способностей? Стоит им разозлиться, и всю его семью в любой момент могут выгнать с базы. Тогда шансов на жизнь не останется совсем.

Выбитые зубы приходится глотать вместе с кровью. Слабые могут только так.

На базе «Надежда» проживало больше тысячи человек, и для нынешних баз это считалось не таким уж малым числом. Количество обладателей способностей переваливало за две сотни, тоже весьма внушительно, и в обычной ситуации этого хватало, чтобы защитить базу. На базе имелся пункт получения заданий: там отмечали координаты мест поблизости, которые нужно зачистить, где существовали скрытые угрозы или появились мутировавшие звери и растения. Обладатели способностей, успешно зачистившие зверей или растения-мутантов и принёсшие добычу, могли обменивать её внутри базы.

Цзян Лэ решил временно присоединиться к этой базе «Надежда» и как следует использовать пункт получения заданий для собственного удобства.

Чжан Хайян только что прошёл мимо смерти, но всё равно вынужден был вернуться на базу. В нынешнем мире что ещё могут обычные люди, если не войти на базу, сбиться вместе и жить под защитой обладателей способностей? Даже если попадаются такие, как Ван Вэйфэн, которые не считают их жизни жизнями, по сравнению с внешним миром на базе всё же хоть немного лучше.

Чжан Хайян привёл Цзян Лэ к базе «Надежда». Когда они уже почти дошли до ворот, он остановился, посмотрел на лицо Цзян Лэ, вдруг схватил с земли горсть земли, потянул его за шею вниз и размазал грязь по лицу и волосам. Цзян Лэ сразу стал выглядеть измождённое и жалче, уже не так бросался в глаза.

— Это ради твоего же блага, — сказал Чжан Хайян и тихо предупредил: — Когда войдёшь на базу, не подходи слишком близко к обладателям способностей. Некоторые из них... не совсем нормальные.

Цзян Лэ притворился непонимающим и кивнул, хотя в душе прекрасно понял смысл его поступка и слов.

Насилие и издевательства над мужчинами и женщинами среди обладателей способностей были обычным делом. Когда базовое право обычных людей на выживание растаптывалось ими под ногами, о каком достоинстве в этой сфере вообще можно было говорить?

Ворота базы «Надежда» были плотно закрыты. На самодельной «стене-башне» виднелось несколько патрулирующих фигур. Увидев приближающихся людей, один из них прямо спрыгнул с башни. Двигался он очень неплохо.

Он явно знал Чжан Хайяна и, скорее всего, уже слышал от вернувшегося раньше отряда «Острие», что Чжан Хайян «погиб». Поэтому, увидев его сейчас, не мог не удивиться.

— Ого, мы уже думали, ты помер. Живучий же ты. Мутировавшая свинья тебя так и не догнала? — сказал привратник с насмешливой улыбкой.

Чжан Хайян не мог поддержать эту шутку и не хотел много говорить на эту тему. Но, вспомнив о ещё более страшном звере-мутанте, появившемся после, он поспешил доложить об этом привратнику. Тот отнёсся к словам с сомнением:

— Понял. Потом отправим людей проверить.

Выглядело так, будто он не слишком верил словам Чжан Хайяна.

Затем привратник перевёл взгляд на Цзян Лэ.

— А это кто?

— Я встретил его по дороге обратно. Он тоже хочет присоединиться к нашей базе, — объяснил Чжан Хайян.

Цзян Лэ следом кивнул.

— Присоединиться к нашей базе? Входной взнос — мешок зерна или пятьдесят кристаллических ядер зомби, — неспешно сказал привратник, словно был уверен, что у Цзян Лэ нет ни того, ни другого. Потом добавил: — Можно отдавать частями. Сейчас иди заполни информацию.

На листе бумаги Цзян Лэ написал два иероглифа: Цзян Юэ. Возраст и место рождения он тоже наугад указал ложные. В эпоху, когда удостоверения личности потеряли силу, всё это было формальностью, которую можно было заполнять как угодно.

Цзян Лэ обыскали с головы до ног, рюкзак за спиной тоже вывернули и проверили внутри и снаружи. Внутри был только бурдюк. После проверки его бросили обратно. Однако в рюкзаке ещё оставался аромат мясных лепёшек с маринованной горчичной зеленью, и привратник подозрительно нюхал его снова и снова.

Но кроме бурдюка он в конце концов ничего не нашёл и был вынужден вернуть рюкзак Цзян Лэ.

А Чжан Хайян, увидев, что у Цзян Лэ карманы пустее пустого, вздохнул и просто повёл его к себе домой.

\* \* \*

Чжан Хайян провёл Цзян Лэ через всю базу.

Структура базы была круговой. От внешнего круга к внутреннему она переходила от обычных людей к обладателям способностей, а жилища постепенно менялись от грубых и убогих до нескольких современных зданий. По сравнению с другими местами здесь всё поддерживалось довольно хорошо. Только несколько отсечённых, высохших корней на цементной дороге показывали, что когда-то здесь уже была неудачная попытка вторжения. Гудение генератора говорило, что в некоторых местах зданий всё ещё есть электричество.

Под несколькими зданиями располагалась точка обмена ресурсов базы. Кто-то выставлял товар на столах, кто-то раскладывал его на земле, кто-то продавал собственноручно сделанные лепёшки. Раздавались крики о картофельных чипсах, печенье, жасминовом чае. От грубых, смешанных с примесями булок до яркой промышленной упаковки и всевозможных кристаллических ядер разных размеров и видов. Правда, большинство ядер было низкого качества. Изредка у какого-нибудь прилавка появлялась одна-две чуть более ценные штуки, и тогда перед ним обязательно стояли несколько крепких обладателей способностей, присматривая за товаром.

К этому времени мутировавшие люди уже знали огромную пользу кристаллических ядер мутировавших существ. Высокоуровневые ядра были бесценны и почти недоступны. Именно поэтому многие охотничьи отряды были готовы, несмотря на огромный риск, браться за охотничьи задания: стоит удачно добыть одно более-менее качественное ядро, и можно беззаботно прожить почти полгода.

Низам не хватало еды и ресурсов. А вот верхушка обладателей способностей в этом недостатка не испытывала.

Кристаллические ядра зомби из-за своего промежуточного положения временно использовались как валюта. Но самой ходовой «валютой», конечно, всё равно была еда.

На рынке обмена собралось немало людей, но по одежде и прилавкам, возле которых они задерживались, было очень легко различить их статус.

Большинство обычных людей толпились только возле прилавков, где продавалась грубая домашняя еда, и обменивали кристаллические ядра зомби на пищу, которой всё равно не хватало, чтобы насытиться.

Шаги Чжан Хайяна замедлились у нескольких прилавков с грубыми зерновыми лепёшками, но, учитывая, что у него не было достаточно кристаллических ядер зомби, он был вынужден сначала, волоча раненую ногу, вернуться домой.

Они прошли ещё несколько минут, и перед глазами Цзян Лэ появилась зона лачуг, ещё более ветхая, чем у входа. В воздухе стояли разные странные неприятные запахи, земля под ногами стала влажной и скользкой, по ней текла грязная вода. Множество домишек стояли криво и тесно прижимались друг к другу. Называть их домами было уже лезть. На самом деле большинство представляло собой узкие пространства, кое-как сколоченные из дерева и железных листов, стянутые проволокой и способные лишь немного укрыть от ветра, дождя и

солнца.

Неподалёку в стене зиял огромный пролом, который ещё не успели заделать. Через него можно было увидеть небольшое количество мутировавших растений, уже карабкавшихся снаружи. Патрулирующие обладатели способностей не заходили сюда, только торопливо проходили по краю.

Чжан Хайян остановился перед железной хижиной, пристроенной к обломкам цементной стены. Размером она была всего около десяти квадратных метров. Здесь и был его дом.

Ещё не войдя, Цзян Лэ услышал изнутри детский кашель и тихий женский голос, успокаивавший ребёнка.

Чжан Хайян открыл скрипучую деревянную дверь, сколоченную железными листами, и тихо сказал:

— Я вернулся.

Он повернулся и знаком показал Цзян Лэ следовать за ним.

Цзян Лэ вошёл внутрь и в слабом свете, просачивающемся через щели в крыше, разглядел обстановку.

В углу лежала деревянная доска, приподнятая на камнях. На ней было одеяло. У изножья стоял раскладной маленький столик, на нём — простые миски и палочки. У стены стоял маленький горшок, видимо, для ребёнка.

Кроме этого, в доме почти ничего не было.

Жену Чжан Хайяна звали Ли Цзяцзя. В этом году ей было чуть за тридцать, но из-за усталости и пережитых тягот она выглядела за сорок.

Она сидела на краю лежанки, держа на руках маленькую девочку лет двух-трёх, и укачивала её. В глазах девочки стояли слёзы, но плакала она тоненько, как котёнок.

Чжан Хайян не рассказал Ли Цзяцзя о том, что его бросили и он едва выжил. Он только сказал:

— Сегодня не очень удачно, еды не принёс.

Затем коротко представил Цзян Лэ и сказал, что Цзян Лэ, возможно, поживёт у них несколько дней.

Ли Цзяцзя было усталым, но она всё же с усилием вежливо улыбнулась Цзян Лэ.

Маленькая девочка у неё на руках, увидев Цзян Лэ, постепенно перестала всхлипывать и с любопытством посмотрела на него.

Цзян Лэ услышал, как Чжан Хайян назвал её Таньюань.

Цзян Лэ улыбнулся Таньюань.

Ли Цзяцзя поменялась местами с Чжан Хайяном, оставив дочь ему, а сама с миской, накрытой сверху тарелкой, вышла наружу.

Вскоре снаружи поднялся дым от дров. Ли Цзяцзя вскипятила воду и разварила одну кукурузную лепёшку в жидкую кукурузную кашу. Когда она внесла кашу обратно, снаружи уже окончательно стемнело.

Ли Цзяцзя разделила кукурузную кашу на несколько частей. Самая густая досталась дочери, остальное, включая Цзян Лэ, получили по маленькой миске.

Цзян Лэ отказался. Чжан Хайян подумал, что он брезгует, и сказал:

— На базе только такое и едят. Тебе придётся привыкнуть.

От того, как при первой встрече Чжан Хайян, несмотря на опасность, уговаривал его уйти подальше от мутировавшей дикой свиньи, до его слов и поступков после того, как он привёл Цзян Лэ на базу, а также того, что Ли Цзяцзя по умолчанию разделила последние остатки еды с впервые встреченным Цзян Лэ, уже можно было примерно судить, что это за супруги.

Но именно такие хорошие люди после конца света часто первыми бывали съедены обществом, чисто и до костей.

Цзян Лэ покачал головой:

— Я не голоден.

Он сунул руку в рюкзак, немного пошарил внутри и достал несколько молочных ирисок и две пачки содовых крекеров. Он протянул их Таньюань, доказывая действием, более убедительным, чем слова, что действительно не голоден.

Чжан Хайян потрясённо распахнул глаза. Он ведь собственными глазами видел, как этот рюкзак обыскали охранники базы.

Цзян Лэ небрежно объяснил:

— У моего рюкзака внутри есть маленькое потайное отделение. Обычные люди его не нащупают.

Таньюань, ещё не до конца понимая, схватила то, что Цзян Лэ протянул ей.

Ли Цзяцзя поспешила вернуть:

— Нет, нельзя. Это слишком ценно.

Всего лишь несколько молочных ирисок и две пачки печенья. До конца света разве можно было назвать это ценным? Но сейчас они действительно были бесконечно ценны. Даже если Чжан Хайян целый день убивал зомби снаружи, он мог обменять добычу лишь на несколько кукурузных лепёшек, от которых першило в горле. Один молочный ирис уже был роскошным удовольствием.

Такие припасы могли позволить себе только верхние обладатели способностей. Ресурсы слой за слоем стекались наверх, а огромная масса людей внизу владела самым малым.

— Считайте, что это ребёнку, — сказал Цзян Лэ. — Старший брат Чжан привёл меня сюда и временно приютил. Я благодарен.

Он взял из руки Ли Цзяцзя одну конфету, снял обёртку и положил мягкий молочно-белый кусочек в рот Таньюань. Шелковистая молочная сладость растаяла на кончике языка ребёнка, заставив её вкусовые рецепторы, давно не получавшие сладкого, взорваться ярким фейерверком эмоций. Большие глаза девочки сразу изогнулись в улыбке.

Слова «для ребёнка» остановили движения Ли Цзяцзя. Да, теперь к чему вся эта вежливость? Разве может быть что-то лучше, чем лишний кусок для ребёнка?

Она опустила голову и тихо сказала:

— Спасибо.

Поздней ночью, когда почти вся база погрузилась в сон, лишь немногие патрульные обладатели способностей, зевая, шли вдоль стены.

Шаги Цзян Лэ были бесшумны. В темноте он почти не ощущался. Он легко перепрыгнул через тот самый незаделанный пролом в стене и мягко, как бабочка, опустился на землю.

Пройдя несколько сотен метров в сторону от базы, он увидел знакомую фигуру. Волчонок выпрыгнул перед ним, не дал Цзян Лэ себя погладить, но шерстью на спине легко скользнул по краю его одежды.

Волчонок привёл Цзян Лэ обратно к окрестностям логова мутировавшей дикой свиньи. Огромное тело свиньи лежало там, вытекшая кровь уже свернулась. Кроме смертельной раны на шее, глубоко пробитой волчьими клыками, других повреждений на теле почти не было.

Внешняя кожа мутировавшей дикой свиньи была твёрдой, но острые зубы волчонка ничуть ей не уступали. К тому же после превращения волчонок был крупнее этой свиньи. Он двигался гибко, атаковал с достаточной силой и совершенно не боялся её тяжёлых атак, основанных в основном на таране.

Помимо раны на шее, в голове свиньи тоже была проделана дыра. Место, где должно было находиться кристаллическое ядро, уже опустело.

Но если бы волчонок уже съел кристаллическое ядро мутировавшей дикой свиньи такого уровня, он, даже не впав в сонливость, не мог бы двигаться так легко. Переваривание кристаллического ядра тоже требовало много сил.

Цзян Лэ посмотрел на волчонка. Волчонок лениво посмотрел на него.

Человек и волк смотрели друг на друга несколько секунд. Цзян Лэ протянул руку, и только тогда волчонок медленно выплюнул ему в ладонь светло-красное кристаллическое ядро размером с перепелиное яйцо.

— Умница, — Цзян Лэ погладил волчью голову. — Это твоё ядро. Я сначала помогу тебе его сохранить, а когда обстановка будет безопасной, найдём возможность подтолкнуть повышение.

Но Цзян Лэ показалось странным другое. Они заранее договорились, что волчонок не станет есть ядро. Но мутировавшая дикая свинья была одним из тех редких животных, чьё мясо после мутации становилось вкуснее, чем до неё. Цзян Лэ не кормил волчонка целый день, а тот почему-то не поел сам.

Цзян Лэ убрал мутировавшую дикую свинью в пространство и вместе с волчком тоже вошёл туда.

Он не отправил свинью прямо на склад. С помощью горного ножа Цзян Лэ рассёк её толстую шкуру, вытащил внутренности, кишки и мясо из брюшной полости. Эту часть он сразу бросил в компостер. Оставшееся огромное тело он снова разделал по частям, чтобы в следующий раз было удобнее доставать.

В это время волчонок, всё это время сидевший рядом, поднялся, подошёл и совершенно

естественно раскрыл пасть, утащив большой кусок вырезки, который Цзян Лэ только что отрезал. Вид у него был такой, будто он весь день ждал именно этого момента обслуживания.

Цзян Лэ: «...»

Выходит, раньше он не ел свиное мясо не потому, что оно ему не нравилось или у него не было аппетита. Он просто привереда. Привык к уже обработанному чистому мясу и даже собственными зубами возиться ленился.

Цзян Лэ безмолвно застыл, а потом не удержался от смеха. Эта маленькая хитрость не стоила разбирательств. Заодно он бросил в сторону волчонка ещё один хороший кусок мяса, и тот поймал его прямо в воздухе.

Разделав мясо и кристаллическое ядро мутировавшей дикой свиньи и отправив всё на склад, Цзян Лэ оставил волчонка спать в пространстве, а сам пошёл обратно. Через пролом в стене он снова перепрыгнул внутрь.

Он бесшумно вернулся в железную хижину, к месту, где временно спал, и лёг обратно.

Чжан Хайян спал неглубоко. В прерывистом сне он почувствовал, как Цзян Лэ выходит и возвращается, но решил, что тот просто ходил в туалет.

На следующее утро Чжан Хайян с кое-как перевязанной раной вместе с Цзян Лэ отправился к месту, где база выдавала задания.

Там уже толпилось немало людей. Обладатели способностей стояли отдельными кучками, обычные люди — отдельно.

Обычным людям чаще всего доставались простые работы по уборке и расчистке, но награда за такую работу была ограниченной, на еду почти не хватало. Другой распространённой задачей для обычных людей была зачистка зомби.

Доля людей, превратившихся в зомби, была чрезвычайно высокой. По всей стране количество зомби примерно достигало миллиарда, и очистить их за день или два было невозможно. Даже при отсутствии еды зомби всё равно бесцельно двигались, часто сбивались в группы и бродили с места на место. Некоторые малые базы погибли именно в ночных, внезапных волнах зомби.

Поэтому даже если зомби обычно не нападали, зачистка окрестностей от них оставалась важной работой.

Раньше Чжан Хайян занимался именно этим, но дохода не хватало. Если бы он был один, еда, полученная за целый день убийства зомби, едва позволяла бы насытиться на шесть-семь десятых. Но у него были жена и дочь. Особенно Таньюань ещё маленькая и не может

обходиться без заботы матери, так что дома временно стало на одного работоспособного человека меньше. Чжан Хайяну приходилось одному нести ответственность за поиски еды.

Стоило Чжан Хайяну подойти к пункту получения заданий, как вокруг сразу собрались несколько обычных людей и тихо стали расспрашивать, что произошло вчера.

Оказалось, вчера Ван Вэйфэн, вернувшись, всем рассказывал, что они столкнулись с очень сильной мутировавшей дикой свиньёй, а в пункте получения заданий устроил скандал: мол, уровень опасности отметили слишком низко и чуть их не погубили. Хорошо ещё, что погиб только Чжан Хайян, иначе база потеряла бы сразу четверых перспективных обладателей способностей.

Чжан Хайян, услышав это, побледнел от злости. Они бросили его и при этом совершенно не заботились о нём. Стоит им открыть рот — и они только жалеют жизни обладателей способностей.

Обычные люди, которые обычно хорошо с ним общались и часто брали задания вместе, тоже возмутились. Один за другим они выплёскивали раздражение.

— Я ещё вчера, когда ты с ними уходил, говорил: эти люди за людей нас не считают.

— Просто скоты.

— Брат Чжан, ты пошёл требовать у них вчерашнюю оплату? По правилам они должны были тебе заплатить.

— Эти люди где и когда слушали доводы? Брат Чжан только сам себя унизит, если пойдёт. Лучше забудь...

Чжан Хайян молчал.

Но прежде чем они успели прийти к какому-то выводу, объект их обсуждения тоже появился у пункта получения заданий.

Ван Вэйфэн стоял в толпе обладателей способностей и хвастался вчерашней встречей с мутировавшей дикой свиньёй, бесконечно преувеличивая свою роль. Он выставлял себя и товарищей чуть ли не героями-спасителями.

— Даже не знаю, куда та свинья делась. Попадись она мне в следующий раз — я её прикончу!  
— закончил Ван Вэйфэн и расхохотался. Но на середине смеха краем глаза заметил идущего к нему Чжан Хайяна, и смех оборвался.

Ещё вчера вечером, услышав, что Чжан Хайян вернулся на базу, он пробормотал, что этот неудачник оказался живучим, но не придавал мелочи значения. Всего лишь чуть не пожертвовал обычным человеком, что с того?

То, что Чжан Хайян подошёл в такой момент, просто мешало ему хвастаться.

Опасаясь, что Чжан Хайян скажет что-нибудь, что испортит его образ, Ван Вэйфэн заговорил первым:

— Живучий же ты, парень. Но если бы ты вчера не бегал как попало, мы бы не потеряли контроль над той скотиной. Не потеряли бы контроль — убили бы её прямо на месте. Сам подумай, какую большую беду ты устроил!

Чжан Хайян никак не ожидал, что ещё до того, как он откроет рот, Ван Вэйфэн вот так перевернёт всё с ног на голову. Более того, несколько обладателей способностей рядом с Ван Вэйфэном, вчера ходивших с ними, сразу поняли намёк и стали поддакивать.

К тому же в глазах Ван Вэйфэна читалась угроза. Чжан Хайяну было никак не выиграть. Оплата? Хорошо ещё, что Ван Вэйфэн не потребовал с него компенсацию.

Чжан Хайян не мог ни переспорить, ни победить в драке. Он только покраснел и вернулся на прежнее место.

Остальные примерно ожидали такого результата. Сколько бы они ни злились, ничего сделать было нельзя. Сейчас уже не было закона, который восстановил бы справедливость, не говоря о какой-то честности и правоте.

— Забудь, брат Чжан. Сегодня пойдёшь с нами убивать зомби, — кто-то потянул Чжан Хайяна и тихо стал уговаривать.

Чжан Хайян понимал, что ему остаётся только проглотить эту обиду, и кивнул. Только потом он вспомнил, что Цзян Лэ всё это время стоял рядом молча, наблюдая, и представил его остальным:

— Это Цзян Юэ. Он только вчера вошёл на нашу базу и раньше не убивал зомби. Давайте сегодня возьмём его с собой.

Убивать зомби в одиночку было опасно. Обычные люди тоже формировали собственные команды из тех, кому доверяли, а после убийства зомби примерно поровну делили добычу, объединяясь ради выживания.

Но внезапно добавить человека без опыта убийства зомби означало неизбежно нагрузить команду.

Несколько человек переглянулись. Сказать, что они совсем не колебались, было бы неправдой.

Цзян Лэ заговорил первым:

— Брат Чжан, вы идите. Я хочу попробовать присоединиться к команде обладателей способностей и посмотреть, как выглядят задания повыше уровнем.

— Вообще-то ты можешь пойти и с нами.

— Да, лучше иди с нами.

Чжан Хайян тоже не одобрял поступок Цзян Лэ, особенно после того, как сам вчера так неудачно столкнулся с этим.

Цзян Лэ поблагодарил их за доброту, взглянул на Ван Вэйфэна вдалеке, ухватился за лямку рюкзака и улыбнулся Чжан Хайяну:

— Брат Чжан, не волнуйся. Я понимаю, что делаю. И мне всегда везёт, со мной ничего не случалось.

Если бы кто-то другой сказал, что ему везёт, Чжан Хайян, возможно, не поверил бы. Но Цзян Лэ, который после апокалипсиса всё ещё выглядел таким наивным и мог запросто вытащить конфеты и печенье, чтобы отдать другим, наверное, действительно должен был быть невероятно удачливым, раз дожил до этого времени.

Но именно из-за этого Чжан Хайян ещё сильнее не хотел, чтобы Цзян Лэ шёл на смерть. Однако прежде чем он успел снова уговорить его, Цзян Лэ уже большими шагами пошёл туда, где стояли обладатели способностей.

Там тоже стояли несколько обычных людей. Все они хотели втиснуться в команды обладателей способностей, рискнуть удачей и получить больше припасов. Но команд, берущих обычных людей, было всего несколько, и в основном они вели себя примерно так же, как Ван Вэйфэн и его люди.

Но из-за того, что Ван Вэйфэн только что сказал Чжан Хайяну, все, даже если молчали, прекрасно понимали, что, скорее всего, произошло на самом деле. Поэтому желающих подойти к Ван Вэйфэну сейчас было немного.

Цзян Лэ подошёл и вежливо заговорил. На лице у него была мягкая улыбка:

— Брат, вы сегодня идёте на задание? Вам ещё нужны люди? Я хорошо бегаю и выносливый. Можно мне с вами?

Хотя лицо Цзян Лэ было немного испачкано, черты у него были правильными, и с первого взгляда он не вызывал неприязни. Чёрный рюкзак за спиной и часы на запястье делали его похожим скорее на обычного работягу, собравшегося в офис. В нём не было видно ни капли угрозы.

Ван Вэйфэн как раз переживал, что не может найти пушечное мясо. Он сразу радостно сказал:

— Конечно, иди с нами.

Чжан Хайян вдалеке то и дело оглядывался. Увидев, что Цзян Лэ ушёл с Ван Вэйфэном, он не удержался, топнул ногой и вздохнул. Но им тоже пора было выходить за пропитанием, и он мог только с тревогой отправиться со своими товарищами.

\* \* \*

Извлекая урок из вчерашнего, Ван Вэйфэн сегодня выбрал более безопасное задание. База обнаружила, что в старом заводском районе, который ещё имел ценность для использования, поселились мутировавшие сухопутные пиявки. Их нужно было полностью зачистить, чтобы участок снова можно было использовать.

В описании задания кратко указывались текущие особенности мутации сухопутных пиявок: стайность, увеличенный размер, повышенная скорость передвижения, способность определять местоположение по запаху, выделяемому человеческим телом, и даже по звуку сердцебиения. После присасывания они вызывают огромную потерю крови и плоти и привлекают ещё большую опасность.

Но сухопутные пиявки боятся жара и огня. Уничтожить их не так уж сложно, если держать дистанцию и действовать осторожно.

Опасность этого задания была ниже, чем у мутировавшей дикой свиньи. В отряде «Острие» были двое обладателей огненной способности, один воздушный барьер, плюс навык окаменения Ван Вэйфэна. Он был уверен, что сможет разом уничтожить этих пиявок.

А Цзян Лэ, который сам к ним прибил... Ван Вэйфэн подумал: если пригодится, значит, просто использует его как запасное пушечное мясо. Если не пригодится, то и ладно.

Цзян Лэ держался позади команды, делая вид, будто не успевает. На самом деле он нашёл удобный момент и тайком выпустил из пространства волчонка, позволив ему днём самому побегать на воле.

В воздухе будто мелькнула волна способности с опасным оттенком. Ван Вэйфэн подозрительно обернулся, но увидел только того глупого парня, который изо всех сил пытался догнать их.

Наверное, показалось, подумал Ван Вэйфэн. Если бы здесь правда была опасность, первым умер бы этот дурачок. Пока он жив и цел, значит, они в безопасности.

Вчерашнее бегство в смертельный момент, когда он бросил Чжан Хайяна, словно открыло в душе Ван Вэйфэна запретный замок. Теперь он уже не считал отказ от других трудным выбором.

Когда они добрались до старого заводского района, запах сырости в воздухе стал явным. К нему примешивался едва уловимый гнилостный дух, словно где-то здесь давно лежала испортившаяся кровавая плоть.

Пятнистые цементные стены, ржавые металлические трубы и неизвестная зелень тянулись в глубину помещений, куда не доставал солнечный свет.

Ван Вэйфэн остановился у ворот заводского района и поднял руку, показывая людям позади тоже остановиться.

— Мы не можем определить, где пиявки. Поэтому, пока не выясним их местоположение, всем как можно тише шагать и дышать. Не дёргаться по пустякам.

Он специально посмотрел на Цзян Лэ. Цзян Лэ серьёзно кивнул:

— Понял.

Ван Вэйфэн хотел увидеть на лице Цзян Лэ страх, но не ожидал, что этот парень действительно будет выглядеть таким глупым и наивным. Он без слов отвёл взгляд.

Чтобы проверить мутировавших сухопутных пиявок, Ван Вэйфэн подобрал отколовшийся кусок цемента и с силой швырнул его в пустующее заводское помещение. Камень ударился о землю с грохотом, и звук долго разносился внутри.

Однако такой шум не вызвал ни малейшего отклика. Очевидно, мутировавшие существа внутри прекрасно умели отличать, является ли источник звука съедобным объектом.

Ван Вэйфэн решил повторить старый приём и сказал Цзян Лэ:

— Мне кажется, мутировавших пиявок внутри уже нет. Ты зайди и посмотри. Не волнуйся, мы сзади, в любой момент защитим тебя воздушным барьером.

Он думал, что Цзян Лэ начнёт отказываться, но тот лишь сказал: «О» — и прямо пошёл внутрь.

Он большими шагами обошёл заводскую зону кругом, обернулся к Ван Вэйфэну и остальным, которые пристально смотрели на него снаружи, огляделся по сторонам и сказал:

— Брат Ван, кажется, правда ничего нет.

— Чёрт, неужели зря пришли? — Ван Вэйфэн и остальные, увидев это, быстро вошли в цех.

Конечно, они пришли не зря. На самом деле ещё до входа в цех Цзян Лэ услышал из труб, соединяющих разные углы помещения, бесчисленные мелкие звуки прыгающих насекомых. Они всё время из темноты вынюхивали запах плоти и крови. У них не было зрения, зато восприятие было до ужаса извращённым: стоило им учуять запах плоти, крови и пота, как они фиксировали источник и быстро приближались.

Даже без мутации сухопутные пиявки были крайне неприятными тварями.

То, что Цзян Лэ безнаказанно ходил туда-сюда и не подвергся нападению, объяснялось только тем, что на каждую вещь есть своя вещь-противовес. Сухопутные пиявки были опасны для существ из плоти и крови, но против растений почти ничего не могли сделать, особенно против кровавой лозы, родственной им по источнику силы и похожей по способу атаки.

Кровавая лоза пряталась в посадочном сосуде на руке Цзян Лэ, принявшем форму наручных часов. Стоило ему поднять крышку, как усики кровавой лозы мгновенно вырвутся наружу. Будучи таким же существом, жаждущим плоти и крови, сухопутные пиявки не могли питаться кровавой лозой, а кровавая лоза легко могла поглощать их.

Поэтому, сколько бы они ни жаждали крови и плоти Цзян Лэ, инстинкт опасности не позволял им действовать опрометчиво. Они могли лишь всё беспокойнее метаться в трубах.

Пока внутрь не вошли Ван Вэйфэн и остальные.

Плоть и кровь. Более доступная плоть и кровь. Много, такой свежий запах!

Тук-тук-тук, тук-тук-тук.

Звук в ржавых металлических трубах разрастался слоями, словно дождь. Сначала его не слышало человеческое ухо, а в конце он превратился в бешеную барабанную дробь, которую уже невозможно было игнорировать. В этом облезлом, ветхом цехе он создавал странное эхо и выбивал из сердца тревогу.

Ван Вэйфэн сглотнул и сказал:

— Говорят, стоит им учуять хоть немного крови, как сухопутные пиявки сразу набросятся

толпой. Цзян... как тебя там, пусти немного крови, вымани их. Когда все вылезут, мы разом их накроем. Гарантирую твою безопасность!

Слова звучали красиво, но если ждать, пока все сухопутные пиявки вылезут, и только потом действовать, Цзян Лэ, не будь у него способности защититься, скорее всего уже превратился бы в высохший человеческий остов.

Ван Вэйфэн достал кинжал и протянул Цзян Лэ, велел сделать это самому. При этом добавил:

— Быстрее. Задержишь выполнение задания — не рассчитывай, что мы поделимся с тобой припасами.

— Ну ладно, — сказал Цзян Лэ, взял кинжал и глубоко посмотрел на Ван Вэйфэна. Затем он выбрал место на руке и провёл неглубокий порез. Алая кровь тут же выступила наружу, несколько капель закапали вниз и упали на сапог Ван Вэйфэна, но тот не заметил.

Запах крови действительно сделал сухопутных пиявок ещё нетерпеливее. Они больше не могли сдерживаться, начали выпрыгивать из проломов в трубах, скользить по стенам на землю и, словно волна насекомых, хлынули вперёд.

Ван Вэйфэн, будто ему всё ещё было мало, толкнул вперёд Цзян Лэ, зажимавшего руку. Цзян Лэ пошатнулся на пару шагов, будто не удержался на ногах. Люк водостока под его ногой рассыпался в крошево, он вскрикнул и провалился вниз.

Это падение почти разминулось с волной пиявок. Даже те несколько, которых привлёк запах крови и которые попытались прыгнуть на Цзян Лэ, были заслонены внезапно раскрывшимися лозами кровавой лозы, как зонтом. Оставшиеся пиявки не решились приближаться к кровавой лозе, и волна могла только с гулом двинуться в сторону Ван Вэйфэна, находя более удобную цель для преследования.

Никто не видел, что происходило в канализации. Кровавая лоза попутно вытащила тех сухопутных пиявок, которых остановила, и отправила их через щели канализации наружу.

Пальцы Цзян Лэ коснулись послушных лоз. Он достал из пространства несколько кристаллических ядер зомби и, словно кормил конфетами, отдал их кровавой лозе. Кровавая лоза приняла всё без остатка, а перед тем как снова втянуться в посадочный сосуд, ещё и слизнула кровь с раны Цзян Лэ.

Наверху Ван Вэйфэн и остальные не ожидали, что Цзян Лэ провалится вниз. Пока они были ошарашены, сухопутные пиявки, вопреки ожиданиям, не погнались за Цзян Лэ, а упрямо продолжили движение в прежнем направлении.

— Всё нормально, всё нормально! — крикнул Ван Вэйфэн. — Воздушный барьер! Окаменение!

Огонь! Не сбивайтесь!

Воздушный барьер мгновенно сформировался в воздухе. Против мутировавшей дикой свиньи его было маловато, но против мутировавших сухопутных пиявок он действительно был достаточен. Увидев, что плотная масса прыгающих пиявок и правда остановлена, Ван Вэйфэн успокоился и сразу активировал навык окаменения. Мутировавшие пиявки, которые только что непрерывно прыгали, тут же посыпались с воздуха, как дождь.

Ещё один залп огня — и с большей частью мутировавших пиявок будет покончено!

В глазах Ван Вэйфэна вспыхнул восторг. Но огонь ещё не вырвался, как он вдруг почувствовал, что под ногой стало пусто.

Он поспешно опустил голову и увидел: неизвестно когда из канализации у его ног тоже выпала куча мутировавших пиявок. Их целью была его левая нога, и сейчас они уже покрыли верх сапога. А то чувство пустоты на самом деле шло из подошвы стопы!

После мутации сухопутные пиявки уже не просто сосали кровь. Пользуясь свойством обезболить рану, они высасывали плоть вместе с кровью, заглатывали подкожные ткани и, насытившись, забирались под кожу. До тех пор, пока под кожей не оставалась одна пустая оболочка, после чего выползали наружу, оставляя человеческое тело без опоры плоти, как сдутый шар.

Ван Вэйфэн не знал, что творится под сапогом, но, чтобы остановить потери, в панике окаменел и этих новых пиявок, и собственную ногу вместе с ними. Окаменевшая нога временно потеряла чувствительность, а ему ещё нужно было продолжать бой.

После пяти-шести подряд атак количество сухопутных пиявок наконец стало уменьшаться, пока в конце все они не превратились под огнём в пепел и не осыпались на влажную землю.

Ван Вэйфэн, покрытый потом, слабо ощущая пустоту внутри, только тогда рухнул на задницу и снял сапог.

Он ещё надеялся, что это всего лишь поверхностная рана, но в первый же миг, когда увидел повреждение, сердце у него похолодело. Он никак не ожидал, что всего за десяток секунд вся стопа вместе с икрой окажется полностью выеденной изнутри. Под полупрозрачной кожей сейчас темнели пиявки, временно скованные окаменением, но некоторые всё ещё медленно шевелились.

Когда окаменение спадёт, они снова начнут действовать. Эта нога уже бесполезна.

Стиснув зубы, Ван Вэйфэн кинжалом рассёк собственную кожу. Пиявки вывалились наружу, обнажая белую кость внутри.

Остальные, увидев это, тоже втянули холодный воздух и втайне обрадовались, что пиявки попали не на них.

— Да мать вашу, да мать вашу, сдохните, проклятые пиявки! — Ван Вэйфэн бессильно бесновался, в сердце было бесконечное негодование. Он не понимал, почему именно ему так не повезло.

В этот момент из канализации вдруг снова донёлся звук. Нервы нескольких человек, которые ещё не успели окончательно расслабиться, снова натянулись. Даже Ван Вэйфэн проглотил ругань и напряжённо уставился на источник звука, готовый в любой момент снова сражаться с мутировавшими пиявками.

Но первой появилась рука. Не похожая на руку мертвеца. А место, где она появилась, невольно заставляло вспомнить Цзян Лэ, который прежде провалился вниз.

— Тот, по фамилии Цзян?.. — Ван Вэйфэн заговорил недоверчиво и всё равно считал это совершенно невозможным.

Ему самому хватило нескольких капель крови Цзян Лэ, чтобы так влипнуть. Такой обычный человек, как Цзян Лэ, да ещё с раной, упал в канализацию. Разве его не должно было в одно мгновение высосать бешеное полчище пиявок, превратив в сухой труп?

В следующую секунду показалась голова Цзян Лэ. Он опёрся о край отверстия, выбрался наружу и одарил Ван Вэйфэна безобидной улыбкой.

[1] Сяолунбао — небольшие паровые булочки с сочной начинкой, обычно мясной.

<http://bllate.org/book/17649/1689475>